

Дмитрий Шукуров
Шуя (Россия)

Диссоциация в структуре «иероглифического» образа ОБЭРИУТОВ: психоаналитический аспект¹

При изучении авангардной поэтики авторов «Объединения Реального Искусства» методологический интерес представляет психоаналитическое понятие «диссоциация».

Поэтика ОБЭРИУ основывается, как было отмечено в авто-характеристике творчества одним из участников группы – Н.А. Заболоцким, на принципе «столкновения словесных смыслов» [Из статьи «ОБЭРИУ» 1993, с. 147], т.е. формируется посредством специфических сочетаний слов. Неслучайно в известном послании к А.И. Введенскому поэт сразу оговаривает этот момент, перенося рассмотрение эффекта бессмыслицы с отдельного слова или группы изолированных слов в «плоскость сцепления этих слов, того сцепления, которое должно покрываться термином бессмыслица» [Заболоцкий 1993, с. 175]. Как выясняется, в процессе этого «сцепления», или «сочетания», слов происходит диссоциация значений, в результате которой появляются абсурдные смыслы:

Слово в поэзии А. Введенского, – отмечает современный исследователь, – выполняет функцию пустого, чистого знака. Оно не собирает в пучок семантические признаки мира (как, например, у Хлебникова, Мандельштама и др.), а как бы “вырезает” эти признаки из мира, оставляя на их месте зияющую прореху. Принцип ассоциативности здесь не действует: слова соединяются друг с другом не посредством ассоциации, а посредством диссоциации, т.е. разложения, разобщения значений [Фещенко 2004, с. 146].

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта *Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века*, поддержанного грантом Президента РФ на 2012 – 2013 гг. для молодых российских учёных – докторов наук (МД-420.2012.6).

Отметим, что при всей разности поэтических практик Д.И. Хармса, А.И. Введенского, Н.А. Заболоцкого, К.К. Вагинова, поэтике обэриутов в целом свойствен диссоциативный характер.

Понятие «диссоциация» соотносимо с концепцией «остранения» В.Б. Шкловского. А.А. Кобринский справедливо полагает, что Н.А. Заболоцкий при описании поэтики ОБЭРИУ опирался именно на эту концепцию (в той части декларации, в которой отстаивал права художника на особое видение мира [Кобринский 2000]).

Термин «остранение», предположительно изобретённый О.М. Бриком и включённый в активное употребление В.Б. Шкловским, обозначает, как известно, разрушение стереотипности, заданности, инерционности восприятия художественного слова. Как убедительно показывает современный филолог И.Ю. Светликова, истоки концепции восходят к обширной психологической традиции конца XIX – начала XX в., в частности к ассоцианистской теории (Т. Рибо, У. Джеймс), в которой её коррелятом и является так называемая диссоциация, т.е. концепция расщепления ассоциаций:

Таким образом, “остранение” (смысл которого можно описать как изменение ассоциаций) в языке, современном ему и сохранившем более отчётливые следы своей принадлежности к ассоцианистской традиции, имело близкий синоним – “диссоциации”, расщепление ассоциаций, непременно лежащее в основе всякого творчества [Светликова 2005, с. 85].

Приём «столкновения словесных смыслов» следует понимать именно в русле концепции диссоциации, которая, как нам представляется, более адекватна для описания обэриутской поэтики, чем концепция «остранения», приобретающая у формалистов самое широкое толкование.

Термин «диссоциация» использовался Р.О. Якобсоном (*Новейшая русская поэзия*, 1921) в значении «расщепление словесных элементов». Данная терминологическая семантика «не совпадает с психологической диссоциацией, а обозначает скорее обеспечивающий её языковой процесс» [Светликова 2005, с. 84]. Р.О. Якобсон часто понимает диссоциацию в качестве процесса рассогласования и перераспределения элементов внутри слова («Мёртвые аффиксы оживают» [Якобсон 1987, с. 295]). Однако такое понимание механизма диссоциации впоследствии было трансформировано в теоретическом поле взаимодействия идей Р.О. Якобсона и Ж. Лакана (в 1950-е годы).

В период знакомства обоих учёных интересуют исследования афазий – речевых расстройств, в том числе их психоаналитическая интерпретация. (З. Фрейд обращал пристальное внимание на эту проблему ещё до возникновения психоанализа – его труд *О понимании афазий* вышел в свет в 1891 году [Freud 1953]).

Согласно Р. О. Якобсону, в соответствии с двумя основными речемыслительными операциями – селекцией и комбинацией языковых единиц – выделяются два типа афатических расстройств (статья 1956 года *Два вида афатических нарушений и два полюса языка* [Якобсон 1996]). Первый тип связан с нарушениями отношений сходства – селективной способности. Во втором типе афазий расстройства обусловлены невозможностью установления отношений смежности, которые ответственны за формирование комбинаторики выбранных элементов языка.

Р. О. Якобсон соотносит механизмы этих афатических нарушений с риторическими тропами – метафорой и метонимией: «Метафора является чужеродным элементом при нарушении отношения сходства, при нарушении же отношения смежности из пропозиции исчезает метонимия» [Якобсон 1996, с. 46]. Учёный проводит аналогию с терминологическими выражениями З. Фрейда («тождество и символизм» / «метонимическое смещение и синекдохическая конденсация»), которые тот использовал в «Толковании сновидений» (1900) для обозначения работы механизмов сновидения.

В 1957 году Ж. Лакан уточняет эту аналогию, соотнося связь по сходству (метафору) с механизмом сгущения у З. Фрейда, а связь по смежности (метонимию) с другим фрейдовским понятием – механизмом смещения:

Искажение – смещение и сгущение Фрейда – Лакан переводит как скольжение означаемого над означающим. Один из очевидных выводов из такого соотнесения, перевода: бессознательное оперирует риторическими тропами. Иначе говоря: бессознательное структурировано как язык. Бессознательное структурировано как язык, в котором я – шифтер, переключатель. <...> Формула метонимии, по Лакану, – отмечает В. А. Мазин, – слово в слово; формула метафоры – слова за слово [Мазин 2004, с. 108].

Диссоциация и есть «столкновение словесных смыслов». Пожалуй, этим выражением Н.А. Заболоцкому удалось как нельзя точно определить объединяющий всех обэриутов принцип.

Каждый из авторов-обэриутов так или иначе использовал приём «сопоставления слов». Необычное сочетание слов – характерный приём обэриутской поэтики. Неслучайно стихотворный сборник обэриута К.К. Вагинова носил название *Опыты соединения слов посредством ритма* (1931) [Вагинов 1991], в котором явственна аллюзия на «ритмологические» теории формалистов.

Н.А. Заболоцкий соотносил поэтическую систему А.И. Введенского с категорией бессмыслицы. Это не бессмыслица заумных звукосочетаний, отмечал он, но бессмыслица, появляющаяся в результате необычного, нарушающего логические связи сочетания слов: «Бессмыслица не оттого, что слова сами по себе не имеют смысла, а бессмыслица оттого, что чисто смысловые слова поставлены в необычайную связь – алогического характера» [Заболоцкий 1993, с. 175].

Н.А. Заболоцкий объясняет алогические эффекты сочетания слов у А.И. Введенского тем, что особым образом используется приём метафоризации. Критикуя его стихи за бессмыслицу, он усматривает причины её возникновения в нарушении логических связей между предметами, которым приписываются «необычайные качества и свойства» и «необычайные действия» [Заболоцкий 1993, с. 175]. Это, с его точки зрения, «есть линия метафоры». Действительно, метафора – это наделение предмета необычным качеством или свойством по сходству с каким-либо явлением. Однако алогизм текста отнюдь не исчерпывается его метафоризмом. А метафора не есть только отсутствие правильной логики в сочетаниях слов: «крайне усложнённая метафора ещё не бессмыслица» [Друскин 2000, *Стадии...*, с. 416].

Всякая метафора, – пишет Н.А. Заболоцкий, – пока она ещё жива и нова, – алогична. Но самое понятие логичности есть понятие не абсолютное – что было алогичным вчера, то стало сегодня вполне логичным. Усвоению метафоры способствовали предпосылки её возникновения. В основе возникновения метафоры лежит чисто смысловая ассоциация по смежности. Но старая метафора легко стёрлась – и акмеистическая, и футуристическая. Обновление метафоры могло идти лишь за счёт расширения ассоциативного круга – эту-то работу Вы и продельваете, поэт, с той только разницей, что Вы материализуете свою метафору, т.е. из категории средства Вы её переводите в некоторую самоценную категорию. Ваша метафора не имеет ног, чтобы стоять на земле, она делается вымыслом, легендой, откровением. Это идёт в ногу с Вашим отрицанием темы, где я и сосредоточу своё возражение по этому поводу [Заболоцкий 1993, с. 175].

Это рассуждение в большей степени могло быть отнесено к поэтике имажинизма, чем А.И. Введенского. Дело в том, что метафора, которой Н.А. Заболоцкий ошибочно приписывает свойство ассоциации по смежности, начинает свою жизнь от предмета и вещи: онтологическая реальность для неё первична, хотя сама она является в результате образованием вторичного, «литературного» ряда. Предмет или вещь являются концептуальной основой метафоры. Метафорический троп начинается с движения словесных означающих в сторону от означаемой ими действительности (предмета или вещи). Метафора переносит словесные означающие в соответствии с определённым образным сходством на другие означаемые. Отсюда и традиционное определение метафоры: перенос наименования по сходству. Тот процесс, с которым мы встречаемся в поэтике А.И. Введенского и в целом обэриутов, есть по преимуществу обратное движение – от слова к предмету, точнее от алогического сочетания слов к означаемой парадоксальной реальности.

Происходит своего рода «смещение» слова и обозначаемого им предмета – высвобождение означающего из-под власти означаемого и появление эффекта «семиотического молчания» [Друскин 2000, *Звезда...*, с. 400] слова, становящегося, если использовать терминологию Ж. Лакана, плавающим означающим:

В поэтике “семантической бессмыслицы” важно не то, как форма выражает содержание, как означающее привязано к означаемому, как слово отсылает к вещи, а то, до какой степени форма может не соответствовать содержанию, в какой мере означающее отвязано от своего означаемого, каким образом слово отсылает к отсутствию вещи [Фещенко 2006, с. 269].

В имажинизме мы действительно встречались с усложнённым метафорическим рядом поэзии – «каталогом образов», в котором тропологически традиционная метафора была носителем самостоятельного автономного комплекса значений, т.е. в конструктивном плане становилась своего рода мета-метафорой. Именно у имажинистов она переходила из «категории средства» в некоторую «самоценную категорию» (говоря словами Н.А. Заболоцкого, неоправданно, на наш взгляд, отнесёнными им к поэтике А.И. Введенского). Отсюда и поэтическая усложнённость, и стилистическая темнотность имажинистских образных текстов, которые, тем не менее, всегда могут быть истолкованы с детальной точностью.

Если образную поэзию имажинизма можно сравнить с ребусом, всегда имеющим точное решение (лат. *rebus* – «при помощи вещей»; форма аблатива множественного числа от *res* – вещь), то поэзия обэриутов сравнима именно с иероглифом, сохраняющим в потаённости сакральные смыслы.

Известно, что слово «иероглиф» в особом терминологическом значении использовалось в чинарском кругу, в частности в трактатах Л. Липавского. Для Я.С. Друскина этот термин являлся излюбленным при описании поэтики А.И. Введенского. «Иероглифичность» как особое свойство обэриутской поэтики – предмет интересных исследовательских наблюдений А. Рымаря. Рассуждая о проблеме асемантического в поэтике А.И. Введенского, учёный отмечает:

Слово здесь становится не отражением мысли, а “погрешностью” по отношению к ней, не описанием реальности, а “иероглифом” – словом-вопросом, ответ на который не может быть дан языковым способом [Рымарь 2004, с. 67].

Проблема бессмыслицы, как справедливо отмечает Н.А. Заболоцкий, не заключается в отсутствии смысла у слова как такового. Каждое отдельное слово осмысленно, обладает значением, если только это не заумное звуко сочетание. Бессмыслица возникает в результате алогического сочетания слов: «Бессмыслица не оттого, что слова сами по себе не имеют смысла, а бессмыслица оттого, что чисто смысловые слова поставлены в необычайную связь – алогического характера» [Заболоцкий 1993, с. 175].

В обэриутском тексте происходит логическое смещение лексического значения слов в процессе их необычного взаимодействия друг с другом посредством «столкновения словесных смыслов» (согласно обэриутской декларации).

Данное выражение дважды встречается в декларации ОБЭРИУ. Во-первых, в предваряющем персональные характеристики участников группы фрагменте, который характеризует общую эстетическую платформу поэтов:

В своём творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства. В поэзии – столкновение словесных смыслов выражает этот предмет с точностью механики (подчёркнуто мной – Д.Ш.) [Из статьи «ОБЭРИУ» 1993, с. 146].

И, во-вторых, непосредственно в персональной характеристике концептуальных установок поэзии Введенского. Позволим себе процитировать её без сокращений:

А. ВВЕДЕНСКИЙ (крайняя левая нашего объединения) разбрасывает предмет на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Введенский разбрасывает действие на куски, но действие не теряет своей творческой закономерности. Если расшифровать до конца, то получается в результате – видимость бессмыслицы. Почему – видимость? Потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве Введенского нет. Нужно быть побольше любопытным и не полениться рассмотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глотают не жуя и о которой тотчас забывают (подчёркнуто мной – Д.Ш.) [Из статьи «ОБЭРИУ» 1993, с. 147].

Таким образом, в декларации Н.А. Заболоцкий либо смягчил формулировку, либо скорректировал своё представление относительно бессмыслицы А. И. Введенского, что не суть важно, так как нас не интересует в данном случае изменение его личного взгляда на проблему. Важно, что здесь результатом «столкновения словесных смыслов» выступает не бессмыслица, а «видимость бессмыслицы». То есть явно подразумевается, что за внешне бессмысленным сочетанием слов присутствует некий смысл. Собственно то, что Н.А. Заболоцкий ошибочно называет в послании А.И. Введенскому метафорой, лишённой опоры и поэтому оборачивающейся «вымыслом, легендой, откровением», и есть результат необычного – внешне бессмысленного, алогического сочетания слов. Но этот сокровенный, метафизический смысл, скрывающийся за «видимостью бессмыслицы», рождается, как нам представляется, отнюдь не столько по «линии метафоры».

Традиционная тропологическая конструкция в литературном произведении заключается в переносе или смещении лексического значения слов на основе сходства или смежности обозначаемых этими словами предметов или явлений. В любом традиционном тропе, как мы уже отмечали, первична онтологическая реальность. Одними из самых распространенных тропов являются метафора и метонимия. Разница между ними проявляется только в том, что метонимия не фиксирует очевидного, но не замеченного прежде сходства (как это происходит в метафоре), а основывается на контингентной данности онтологической ситуации сходства – ситуации смежного соположения вещей, предметов, явлений и соотнесённых с ними действий.

«Ваша метафора не имеет ног, чтобы стоять на земле, она делается вымыслом, легендой, откровением» [Заболоцкий 1993, с. 175] – так происходит потому, что слово в поэзии ОБЭРИУТОВ совсем не метафорично и не предполагает образного указания на некое устойчивое денотативное значение, но представляет метонимическое проявление парадоксов языковой реальности. Оно являет непосредственное выражение парадоксальной идеи, которую на языке Ж. Дерриды можно назвать идеей отсутствующего смысла. Это и становится поэтическим откровением текста. Поэтому метафорическая образность отнюдь не является критерием поэтичности в эстетике А.И. Введенского – для него важно, как отмечал Я.С. Друскин, не столько «красиво – некрасиво», сколько «правильно – неправильно» [Друскин 1993, с. 167].

Список литературы:

1. Вагинов К. К., *Опыты соединения слов посредством ритма: стихи, послесл.* В. Широкова, Репринт. воспроизведение изд. 1931 года, Москва 1991.
2. Друскин Я. С., *Звезда бессмыслицы*, [в:] *Сборище друзей, оставленных судьбою*. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях, Москва 2000, т. 1, Леонид Липавский, Александр Введенский, Яков Друскин.
3. Друскин Я. С., *Материалы к поэтике Введенского*, [в:] А. И. Введенский, *Полное собрание произведений: в 2 т., Произведения 1938 – 1941. Приложения*, Москва 1993, т. 2.
4. Друскин Я. С., *Стадии понимания*, [в:] *Сборище друзей, оставленных судьбою*. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях, Москва 2000, т. 1, Леонид Липавский, Александр Введенский, Яков Друскин.
5. Заболоцкий Н. А., *Мои возражения А. И. Введенскому, авторитету бессмыслицы. Открытое письмо*, [в:] А. И. Введенский, *Полное собрание произведений: в 2 т., Произведения 1938 – 1941. Приложения*, Москва 1993, т. 2.
6. *Из статьи «ОБЭРИУ». Поэзия ОБЭРИУТОВ*, [в:] А. И. Введенский, *Полн. собр. произведений. В 2 т., Произведения 1938 – 1941. Приложения*, Москва 1993, т. 2.
7. Кобринский А. А., *Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда = Poetics «OBERIU» in the Russian lit-*

- erary avant-garde context* [2-е изд., испр. и доп.], Москва 2000, № 1310, т. 1, т. 2.
8. Мазин В. А., *Введение в Лакана*, Москва 2004.
 9. Рымарь А. Н., *Семантические средства указания на асемантическое в поэтике Введенского и проблема «адекватного» анализа*, [в:] Александр Введенский и русский авангард: Материалы международной научной конференции, под ред. А. А. Кобринского, Санкт-Петербург 2004.
 10. Светликова И. Ю., *Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа*, Москва 2005.
 11. Фещенко В. В., *Логика смысла в произведениях Александра Введенского и Гертруды Стайн*, [в:] Поэт Александр Введенский. Сборник материалов конференции «Александр Введенский в контексте мирового авангарда», Белград – Москва 2006.
 12. Фещенко В. В., *Мнимости в семантике (о некоторых особенностях «чинарного языка» Александра Введенского и Якова Друскина)*, [в:] Александр Введенский и русский авангард: Материалы международной научной конференции, под ред. А. Кобринского, Санкт-Петербург 2004.
 13. Якобсон Р. О., *Работы по поэтике*, вступ. статья Вяч. Иванова, сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова, Москва 1987.
 14. Якобсон Р. О., *Два вида афатических нарушений и два полюса языка*, [в:] Р. О. Якобсон, *Язык и бессознательное*, пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. В. Шеворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский, Москва 1996.
 15. Lacan J., *Ecrits: A selection*, L. 1977, XIV.
 16. Freud S., *On Aphasia (A Critical Study)*, translated by E. Stengel, New York 1953.

SUMMARY**Dissociation in the structure of the “hieroglyphic” image of poets of group “OBERIU”: psychoanalytic aspect**

The author analyzes the processes of “hieroglyphic” image dissociation in the creative practice of poets of the group of the Russian literary avant-garde (“OBERIU”), shows that the proposed material is of interdisciplinary character, and presents new opportunities of research interpretation in the traditions of psychoanalytically oriented literary criticism.

The study has been conducted within the frames of the research project ‘Russian literature avant-garde and psychoanalysis in the context of intellectual culture of the Silver age’ supported by the grant of the president of the Russian Federation for young Russian scientists-doctors of sciences for the years 2012-2013 (МД-420.2012.6).